

Страницы истории

РОЛЬ М. М. СПЕРАНСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ МЫСЛИ

А. А. АНИКЕЕВА,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов и кредита
E-mail: anikeeva_aa@vlpost.ru
Волжский гуманитарный институт

200 лет назад в Российском государстве произошло знаменательное событие. С первого дня нового 1810 г. управление государством, в том числе финансами, стало осуществляться по новым порядкам. Это событие связано с именем Михаила Михайловича Сперанского. Переосмысливая события двухсотлетней давности, можно обнаружить, что реформы государственной власти совпали с началом бурного развития финансовой мысли в России. Случайное ли это совпадение или это закономерное следствие проводимых реформ? Роль М. М. Сперанского как реформатора российской государственности в аспекте финансовых преобразований и развития финансовой мысли является задачей исследования в преддверии юбилейной даты.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, финансовая наука, история, государственные финансы.

В целом роль М. М. Сперанского в российской истории можно понять по тому, кто, что и как о нем писал в энциклопедических словарях, потому что в создании этих словарей принимали участие ведущие ученые страны того периода, когда они издавались. Российские словари являются эпохальными носителями информации, в том числе сведений о финансах и финансистах, как ученых, так и практиках нашего отечества.

Одним из первых отечественных словарей был дореволюционный словарь Брокгауза — Ефрона и в нем о М. М. Сперанском писал историк Василий Иванович Семевский (1848—1916). Он использовал при написании своей статьи в качестве главных источников информации архивы законодательных документов и двухтомную работу Модеста Андреевича Корфа (1800—1872), бывшего починенного М. М. Сперанского, его преемника на государс-

твенной службе и написавшего его биографию [14]. В. И. Семевский раскрыл образ М. М. Сперанского как известного государственного деятеля, который пытался осуществить реформы российского законодательства, управления государством и его финансами [10, с. 188—192].

Следующая статья в энциклопедическом словаре появилась в 1903 г. в издании российского публициста и экономиста Сергея Николаевича Южакова (1849—1910). До этой статьи, в 1891 г. С. Н. Южаков написал и издал целую работу о М. М. Сперанском, его жизни и деятельности на основе множества документов, переписки и публикаций, а также статью о М. М. Сперанском как жертве репрессии [16]. Поэтому С. Н. Южакову была хорошо известна деятельность М. М. Сперанского, а как экономист Сергей Николаевич не мог пропустить значения Михаила Михайловича для российских государственных финансов. В статье сказано, что он разработал «замечательные финансовые планы, впервые вносившие порядок и научную систему в управление русскими финансами», а также подготовил указ, которым «повышался образовательный ценз чиновников» [13, с. 725]. Таким образом, позиция С. Н. Южакова позволяет увидеть роль М. М. Сперанского как реформатора российских финансов и финансового образования.

В 1930 г. в словаре братьев Гранат о М. М. Сперанском поместил статью историк Михаил Николаевич Покровский (1868—1932). Статья была написана в первое пятнадцатилетие после революции, и, несмотря на то, что ее автор использовал работу В. И. Семевского, а также работу М. А. Корфа, Михаил Михайлович предстал в новом облике —

как приспособленец к политической ситуации, масон, апологет конституционной монархии. О его финансовой деятельности не было ничего сказано [7, стб. 111–117].

В первом издании «Большой Советской Энциклопедии» автором статьи о М. М. Сперанском был известный российский историк и специалист по социально-экономическим проблемам, академик АН СССР Владимир Иванович Пичета (1878–1947). Его взгляд на М. М. Сперанского формировался под влиянием многих публикаций, в том числе работ М. А. Корфа, В. И. Семевского, а также исходя из политических и экономических принципов, присущих советскому ученому. В небольшой своей статье В. И. Пичета немало сказал о финансовой деятельности М. М. Сперанского. Но особенно ценно для нас то, что идеи М. М. Сперанского о преобразовании государственных финансов представлены в контексте общего плана государственного преобразования, а развитие финансов – как условие политических реформ. Далее этот великий, каким мы его считаем, российский политик и финансист предстает перед нами как человек, постепенно, с годами, утрачивающий интерес к реформам государства и теряющий нравственные устои и в конце своей жизни ставший лживым угодником [6, стб. 402]. Более корректно представлено изменение воззрений М. М. Сперанского на социальное развитие и реформирование России советским исследователем истории экономики В. В. Орешкиным – автором статьи в «Экономической Энциклопедии»: «Эволюция политических и экономических взглядов Сперанского характеризуется переходом от либерализма к консерватизму» [5, с. 13].

Обзор статей энциклопедических словарей, которые, с нашей точки зрения, отражают эпохальные особенности российской научной мысли, приводит к следующим выводам:

- в каждый период российской истории имя М. М. Сперанского не исчезало из словарей, что свидетельствует о том, что значимость его в отечественной истории никогда не умалялась;

- авторами статей были историки, социологи, экономисты, государственные деятели, что указывает на отдаваемый ими М. М. Сперанскому приоритет в разнообразной его (правовой, финансовой, реформаторской, кодификационной и др.) деятельности;

- все авторы статей видят в М. М. Сперанском, прежде всего, государственного деятеля и создателя плана либеральных преобразований.

Кроме этих выводов, статьи дают повод к сомнениям в неполном, порой необъективном освещении вклада М. М. Сперанского в российскую историю, в том числе в историю финансов. Этот вывод подтверждается тем, что с отходом от советского периода развития отечественной науки ушла и критика всего того, что не соответствовало советской идеологии. Толерантность в оценке научных взглядов, свобода в изложении своих взглядов, а значит, и искренность, точность звучащих научных мнений, несомненно, стали достижениями современной научной, в том числе финансовой, мысли. В оценке деятельности М. М. Сперанского пропали слова, оскорбляющие его, но при этом не исчезла критика. Но и она преобразилась, представ в форме полемики, спора при обсуждении, выяснении проблем, вопросов. Да и как можно иначе исследовать и оценивать деятельность М. М. Сперанского? По крайней мере, нужно дорасти до его миропонимания, научной образованности, уровня его профессиональной состоятельности. С этих позиций взгляд на статью современного ученого-финансиста А. А. Ялбулганова о М. М. Сперанском, по нашему мнению, отвечает самым высоким требованиям: информативности, теоретической обоснованности в оценке, аналитике существующих положений, корректности [11, с. 19–34].

Задача А. А. Ялбулганова сводилась к публичному представлению труда М. М. Сперанского «План финансов», который для многих стал открытием, первой встречей с его трудами. Для лучшего восприятия этой работы А. А. Ялбулганов во вступительной статье пишет о биографии, финансовой деятельности автора «Плана финансов» и других немаловажных аспектах. Несмотря на эту многоаспектность, мы не нашли в этой статье слов о роли М. М. Сперанского в отечественной финансовой мысли. Но, начиная свою статью, А. А. Ялбулганов как бы предвидит наш оставленный без ответа вопрос и пишет: «Имя Михаила Михайловича Сперанского, несмотря на огромное количество публикаций о нем, по-прежнему окутано таинственностью и загадочностью. До сих пор исследователи расходятся в оценке деятельности этого выдающегося российского реформатора» [11, с. 19]. Эта мысль не нова. Она высказана еще почти 150 лет назад написавшим двухтомный труд М. А. Корфом, считавшим тему незаконченной, труд, на который ссылаются, но мало чем дополненный указанными нами исследователями жизни и творчества М. М. Сперанского. К нам адресованы слова Модеста Андреевича Кофра: «Пусть настоя-

щая попытка проложит путь к дальнейшим работам в этом широком поле» [2, с. XII].

Продолжение указанного пути для нас лежит, как сказал А. А. Ялбулганов, в решении тайн и загадок, одной из которых, по нашему мнению, является роль М. М. Сперанского в отечественной финансовой науке. Но с чего начать? Возможно, в выяснении этого вопроса поможет точка зрения С. Н. Южакова, увидевшего М. М. Сперанского в роли реформатора российских финансов и финансового образования? Но такая роль в реформе непосредственно не имеет связи с ролью в науке. Это становится очевидным хотя бы по тому, что мы наблюдаем в современном мире: финансовые реформы, в которых мы перманентно находимся, часто не позволяют нам разглядеть в образованных реформаторах ученых. М. М. Сперанский был реформатором, но был ли он тем, кто оказал влияние на науку требуется обосновать, доказать, и тогда его роль в науке прояснится. Этому может помешать следующее обстоятельство. Просмотрев около двухсот различных источников, касающихся М. М. Сперанского, сложилось впечатление о том, что авторы всех имеющихся публикаций, используя работу М. А. Корфа, смотрят на М. М. Сперанского глазами Модеста Андреевича, прибавляя к нему свой собственный нюанс. Конечно, его двухтомную работу еще никому не удалось превзойти не только по объему, но и по насыщенности информацией. Однако не следует смотреть на М. М. Сперанского в выбранном М. А. Корфом ракурсе.

Если хронологически, в порядке создания научных трудов, вспомнить таких российских ученых-финансистов первой половины XIX в., как Н. И. Тургенев (1818), Ю. А. Гагемейстер (1833), М. Ф. Орлов (1833), Е. Ф. Канкрин (1845), то оценка их роли может складываться по их теоретическим финансовым трудам. У М. М. Сперанского таких трудов не было. И, тем не менее, мы хотим выяснить его роль. Для этого необходимо исследовать его дела, не только дела государственного деятеля, но и его сочинительство, результатом которого стало множество работ. Наиболее известны деловые бумаги: проекты, планы, записки и т. д. Однако на самом деле, как отметил один из исследователей творчества М. М. Сперанского, простой перечень его сочинений по философии, истории, финансам, праву, филологии, богословию и древностям церковного права, археологии, содержащих оригинальные идеи, по своему объему превосходили все написанное всеми вместе взятыми современными ему нашими государственными людьми [15, с. 4].

Исследуя научное творчество М. М. Сперанского, важно, и это главное, представить себе не отдельную его записку, не отдельный факт, действие, а в целом всю совокупность бумаг, событий, поступков Михаила Михайловича. Одно отдельно взятое не позволит увидеть целого, т. е. требуется системный подход к осознанию роли М. М. Сперанского в финансовой мысли России, потому что сам Михаил Михайлович был, говоря словами В. О. Ключевского, «воплощенная система». «Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал» [1, с. 200].

С этой точкой зрения мы не только согласны, но считаем ее ключом к открытию нашей загадки. И не только потому, что российский историк, академик, почетный академик Петербургской АН Василий Осипович Ключевский (1841–1911) является признанным в науке автором официальной истории России. Он такой не единственный. До него немало внимания уделил личности М. М. Сперанского в отечественно истории не менее значимый ученый — почетный член Российской АН Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Но в отличие от В. О. Ключевского свою работу, которая касалась М. М. Сперанского и которая помогает в решении нашей задачи, он писал в годы, когда Михаил Михайлович находился на вершине политической карьеры. В своей работе в 1811 г. Н. М. Карамзин указал причины кризиса финансов, осуществляемых шагов власти по их устранению и выступил против действий российского правительства, во главе которого в то время находился М. М. Сперанский. Мы говорим о сочинении «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» [8 прил., с. 479–534], послужившей, по мнению многих исследователей, одной из причин отставки М. М. Сперанского.

Однако мнение академика Петербургской АН авторитетного ученого и знатока общественного движения и научной мысли в России XIX в. Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) иное. Он считает, что «Карамзин в записке «О древней и новой России...», где большая часть полемики направлена против Сперанского, столько же неблагоприятно смотрит на то, что было сделано в первые годы царствования, еще без участия Сперанского»

[8, с. 77]. Есть и другие мнения о непростых взаимоотношениях М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина [2–4, 9]. Но мы согласны с А. Н. Пыпиным, потому что недовольство Н. М. Карамзина связываем со следующими обстоятельствами. Являясь историком России, а точнее, историком самодержавия, он считал, что Александр I не должен был уступать своего самовластия, той единоличной и неограниченной власти, которая ему была передана по наследству. А, как известно, либеральные мысли Александра I воплотились в первые годы его императорства в идеи реформы российской государственности, которая этой самодержавной власти предлагала поделить властными функциями с правительством. В этом растрачивании самодержавной монаршей власти Н. М. Карамзин увидел угрозу абсолютности российского самодержавия, которую он охранял, которая должна была оставаться неприкосновенной. Это цена той цели, которую преследовал Н. М. Карамзин, препятствуя М. М. Сперанскому в его научных и образовательных задачах российской реформы начала XIX в.

Если Н. М. Карамзин еще в начале осуществления реформ выступил их противником, приводя различные аргументы, то В. О. Ключевский увидел, по нашему мнению, главное — системный подход, взгляд М. М. Сперанского на наше отечество как на большую грифельную доску. Поэтому каждая его деловая бумага, сочинение должны рассматриваться как идеи реформы всей системы российской государственности, т. е. все его предлагаемые финансовые проекты, планы, записки, философские записки — это части общего плана преобразования России.

Сложно найти пример не только в России, но и в мировом опыте, когда один человек мог предложить столь подробно взаимосвязанную совокупность политических, социальных, экономических идей трансформации национальной общественной системы. Финансовые аспекты не только содержатся в плане реформ М. М. Сперанского, их совокупность составляет существенную часть, финансы — причина реформ, их состояние заставило безотлагательно приступить к преобразованиям российского государства, о чем свидетельствуют следующие слова Михаила Михайловича: «Скрывать затруднения финансов есть верный способ умножать запутанность и питать беспокойство; к тому же ежедневное падение бумаг преграждает всякую возможность скрыть настоящее их положение. Первый шаг исправления есть признать публично сии затруднения, но вместе с тем показать средства и пути исправления... Кто

чувствует свою силу, тот не боится угроз или нареканий. Россия в отношении к ее финансам точно стоит в сем отношении» [12, с. 234].

Увидеть финансовые идеи М. М. Сперанского в содержании всего его реформаторского плана, понять, что совокупность его финансовых взглядов представлена им частью науки о государстве, а финансы — частью государственной системы — это значит определить генезис финансов как системы, это значит начать осознавать его роль в российской финансовой науке.

Используемое нами слово «часть» позволяет выразить претензию на самостоятельность совокупности финансовых взглядов в форме финансовой науки, отделенной от государственного права, финансового права и других наук. Но во времена М. М. Сперанского не было таких наук. Им не противопоставлялись теоретические положения, которые бы сегодня находились в книгах по разным отраслям общественного знания. Михаил Михайлович продуцировал идеи, которые его характеризуют одновременно и как юриста, и как финансиста. Мы часто думаем, что реформы финансов — это дело самих финансов, точнее, финансистов, и не учитываем, что изменение в финансах создает мультипликатор, вызывающий все другие общественные, политические, экономические, демографические и т. д. события. Достаточно вспомнить действие и последствия финансовых кризисов. Поэтому финансовые реформы М. М. Сперанского — это не часть государственных реформ, это одна из сторон этих реформ, и Михаил Михайлович выступает в роли теоретика государственных отношений, в том числе финансовых.

Охватить весь масштаб и разнообразие предлагаемых М. М. Сперанским мероприятий по преобразованию российского государства трудно, и тем удивительнее то, как он это мог осмыслить и в подробностях изложить. Многие, почти все исследователи жизни М. М. Сперанского, характеризуют его, говоря современным жаргоном, как трудоголика и необыкновенно от природы одаренного. В. О. Ключевский пишет, что Михаил Михайлович способен был «бесконечно работать (48 часов в сутки)... Продолжительным и упорным трудом Сперанский заготовил себе обширный запас разнообразных знаний и идей... Со времен Ордина-Нашокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли третий» [1, с. 198–200]. Не только знаниями отличался М. М. Сперанский, но и умением применить эти знания, поэтому

его биограф М. А. Корф называл деятельность М. М. Сперанского энциклопедической [2, с. 252].

Многие идеи, заложенные в реформе, были выработаны в долгих и частых беседах М. М. Сперанского и Александра I.

Как писать реформы, если на тот момент правила письма в русском языке не были развиты, не был сформирован стиль делового письма? М. М. Сперанский ощутил эти сложности еще в годы учебы, а, став преподавателем в Александро-Невской семинарии, написал в 1793 г. «Правила высшего красноречия», которые он и другие преподаватели читали семинаристам, но изданы они были лишь в 1844 г. На государственной службе Михаил Михайлович готовил план реформ, используя эти правила, а также традиционный для того времени способ деловой переписки на иностранном языке, чаще всего на французском. Стиль изложения этого плана как документа по современным понятиям несовершенен, но благодаря этому несовершенству можно увидеть теоретическую основу проектов, планов, записок, составленных М. М. Сперанским.

В деловых бумагах он проводит исследование истории российской государственности, государственной экономики, финансов. Во «Введение к уложению государственных законов» (1809) Михаил Михайлович пишет о делах Петра I, в том числе экономике и науке, и обосновывает предстоящие реформы как продолжение петровских начинаний: «... инстинкту просвещения он все к тому приуготовил» [12, с. 157], и, далее: «Со времен Петра I непрестанно думали о гражданских законах. Во всех царствованиях они были начинаемы. Теперь настало время их совершения, и сие уже одно во всех государствах может составить эпоху важных установлений. Нет ничего справедливее, как расширить существующий ныне Совет, чтобы доставить гражданскому закону всю зрелость уважения» [12, с. 234]. Дела не только Петра I, но и Екатерины II, Павла I служат М. М. Сперанскому историческим свидетельством значимости финансов в деле государства, а нам обосновывают наличие теоретических основ финансов в проектах государственного преобразования.

В проектах и планах М. М. Сперанского находим исследование современного ему состояния России, которое дополнялось теми сведениями, которыми М. М. Сперанский обладал, работая начиная с периода царствования Павла I и продолжая при Александре I, меняя начальников и подчиненных, меняя должности и дела. Полнота этих знаний легла на страницы его плана [11].

В подготовке государственных реформ Михаилом Михайловичем анализируется история, состояние государственности, экономики и финансов Древней Греции и Рима, Турции, многих западноевропейских стран (Англии, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Франции, Швейцарии, Швеции), а также Северной Америки [12, с. 25, 26, 76]. Удивляет не только осведомленность М. М. Сперанского в практической деятельности разных стран, но и знание им теоретических систем. Он трактует и анализирует труды греческих и римских философов, французских просветителей, например социального философа Габриель Бонно де Мабли (1709–1785) и правоведа и философа Шарля Луи Монтескьё (1689–1755), английского философа, социолога, юриста Иеремию Бентама (1748–1832), шотландского философа, историка и экономиста Дэвида Юма (1711–1776), итальянского просветителя Гаэтано Филанджери (1752–1788). Разве это не свидетельство существования теоретического фундамента плана государственных, в том числе финансовых, преобразований, разве это не теоретическое исследование финансов?

Невозможно охватить все аспекты научной деятельности М. М. Сперанского для того, чтобы в полной мере представить его как финансового мыслителя, ученого, государственного деятеля. Но и сказанного ранее достаточно, чтобы сделать вывод: М. М. Сперанский выступил в роли теоретика, применившего системный подход к исследованию финансов, теоретически обосновавшего ту совокупность своих финансовых взглядов и идей, которая гармонично вошла в созданный им реформаторский план преобразования России.

Это роль М. М. Сперанского в отечественной финансовой науке — роль ученого-финансиста. Но есть еще одна его роль — это роль государственного чиновника, который разработал законы для успешного осуществления реформ в стране образованными государственными чиновниками.

В 1809 г. издаются два указа: (в апреле — о придворных званиях и в августе — об экзаменах на гражданские чины). Первый указ должен был изменить процедуру карьерного роста. До этого звания камергера и камер-юнкера могли быть получены уже, как сказал М. А. Корф, в колыбели [2, с. 173]. Эти звания давали сразу же высокие чины: соответственно 4-го и 5-го классов по табелю о рангах, в котором низшим был 14-й класс (надворный библиотекарь, надворный аптекарь). Молодые люди, имея звания и чин, могли не состоять на государственной службе, не выполнять никаких

обязательств, а вести праздный образ жизни. Апрельским указом давалось распоряжение тем, кто не состоял на службе, в течение двух месяцев выбрать род занятий и начать службу, а иначе звание становится лишь знаком отличия, не дающим права на чин. Таким образом, карьерный рост государственных чиновников, в том числе финансистов, должен был стать зависимым от практической, профессиональной деятельности.

Второй, августовский, указ имел целью поднять общий уровень образованности государственных чиновников. Кроме того, что чины стали формой поощрения, порой не связанной с практической деятельностью и навыками работы чиновника, уровень образованности чиновника часто не соответствовал ни его званию, ни его чину, ни его должности.

Александр I еще задолго до указов 1809 г. пытался устранить этот недостаток. В 1803 г. были обнародованы «Общие правила народного просвещения». Авторы этого плана надеялись на то, что, открыв новые университеты, гимназии и училища, «все свободные состояния, особенно... дворянство, поспешат воспользоваться новыми способами, предоставляемыми им к образованию их детей. На деле вышло иначе. Число учащихся в новооткрытых заведениях нимало не соответствовало издержкам» [2, с. 177].

Августовский указ 1809 г. прозвучал для многих не имеющих образования как приговор, запретив производить в чины служащих, не имеющих свидетельства об окончании курса в одном из русских университетов или не выдержавших в университете экзамена по установленной программе, которая и была приложена к указу. Программа включала в себя ряд дисциплин университетского курса, которые как тогда, так и сегодня служат многостороннему образованию, но не навыкам работы в будущей профессии, на конкретной должности. И вот это, а именно обязанность приобретать «лишние знания», вызвало, мягко говоря, недовольство, которое среди прочих претензий к осуществляемым в стране переменам, высказал Н. М. Карамзин в записке о древней и новой России.

Смысл недовольства по поводу образования и экзаменов чиновников заключался в том, что лишние знания не нужны. Читая об этом, невольно встает образ недоросля у Дениса Ивановича Фонвизина (1744 или 1745–1792): «Зачем, — спрашивает Митрофанушка, — знать географию, если извозчик тебя доведет?» Зачем, спрашивает Н. М. Карамзин, знать геометрию тем, кто не землемер? [2, с. 181].

Эти указы произвели большой переполох в придворном обществе и чиновной среде, и выразились во враждебности к ее автору — М. М. Сперанскому, который ясно и твердо высказал требования, каким должны соответствовать служащие в правительственных учреждениях. Апрельский указ требовал исполнителей с «опытом и постепенным прохождением службы приуготовленных, минутными побуждениями не развлекаемых», а августовский указ — «исполнителей сведущих, обладающих твердым и отечественным образованием», т. е. воспитанных в национальном духе, возвышающихся не выслугой лет, а «действительными заслугами и отличными познаниями» [1, с. 202].

Эти указы затем дополнялись всякими исключениями, послаблениями, сам автор пострадал. Враждебность общества заставила Александра I отправить М. М. Сперанского в ссылку, но, как бы то ни было, эти указы стали толчком к получению образования государственными чиновниками, в том числе финансистами: «... дело было сделано! В России стали учиться...» [2, с. 186]. Эти слова М. А. Корфа раскрывают нам М. М. Сперанского в роли государственного чиновника, который хотел подготовить образованные кадры государственных чиновников, а на деле создал систему образования финансистов и юристов — всех государственных чиновников. И теперь можно говорить совершенно уверенно, что совпадение времени начала реформы государственной власти и бурного развития финансовой мысли в России не случайно, и сформулировать этот вывод стало возможным после того, как мы раскрыли М. М. Сперанского в роли реформатора российской государственности, финансиста и ученого. Это дает нам основание считать поставленную нами задачу решенной. Но, несмотря на это, в ореоле загадочности и таинственности по-прежнему остается человек, ученый, практик Михаил Михайлович Сперанский.

Список литературы

1. *Ключевский В. О.* Соч. в 9 т. Т. 5: Курс русской истории, ч. 5 / под ред. В. Л. Янина; послесловие В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М.: Мысль. 1989. 476 с.
2. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб.: Изд. Импер. публ. библ., 1861. 283 с.
3. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С.-Пб.: изд. Импер. публ. библ. 1861. 383 с.
4. *Лонгинов М.* Граф Сперанский // Русский Вестник. 1859. № 10. Кн. 2. С. 527–576.

5. *Орешкин В. В.* Сперанский Михаил Михайлович // Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4: Социология. М.: Сов. Энциклопедия. 1980. С. 13.
6. *Пичета В.* Сперанский Михаил Михайлович // Большая Советская Энциклопедия. Т. 52: Сознание – Стратегия / под ред. С. И. Вавилова, К. Е. Ворошилова, А. Я. Вышинского, П. И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гос. ин-т. 1947. Стб. 399–402.
7. *Покровский М.* Сперанский Михаил Михайлович // Энциклопедический словарь Русского библиографического института. Т. 41, ч. 4: Союз Союзов – Стрелковский / под ред. Ю. С. Гамбарова, В. Я. Железнова, М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Изд. 7-е. М., 1930. Стб. 111–117.
8. *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е с доп. СПб.: Тип. Стасюлевича. 1908. 587 с.
9. *Романович-Славатинский А. В.* Государственная деятельность гр. М. М. Сперанского // Отечественные записки. 1873. Т. 207. № 4. С. 171–199.
10. *Семевский В. И.* Сперанский Михаил Михайлович // Энциклопедический словарь. Т. XXXI (61) / под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Изд. Брокгауз – Ефрон. 1900. С. 188–192.
11. *Сперанский М. М.* План финансов. У истоков финансового права / под ред. А. Н. Козырина. М.: Статут. 1998. С. 17–106.
12. *Сперанский М. М.* Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1961. 243 с.
13. Сперанский Михаил Михайлович // Большая энциклопедия. Т. 17 / под ред. С. Н. Южакова. Изд. 4-е. СПб.: Кн. изд. товарищество «Просвещение». 1903. С. 723–725.
14. *Стасов М. В.* Граф Модест Андреевич Корф. Биографический очерк. 1800–1876 // Русская Старина. 1876. № 2. С. 402–421.
15. *Челищев С. Н.* Реформатор без реформы // Библиотека для чтения. 1862. Т. 171. Современная летопись. С. 1–45.
16. *Южаков С.* Падение Сперанского (эпизод из истории XIX в.) // Русская Мысль. 1890. № 11. С. 111–131.